Андрей РАСТОРГУЕВ

ПЕРЕМЕНА СОСТОЯНИЯ

Четверикова Т. После лета. Новые стихи. – Омск, 2007 г.

После лета – это, конечно, осень. Понятно, что, называя так свою книгу, которая вышла в её родном Омске в 2007 году, Татьяна Четверикова имела в виду отнюдь не календарь, а определённое время человеческой жизни. Точнее, своей собственной жизни – а потом уже вообще человеческой. И на пороге этого времени, входя в «просторный мир нагретых сосен», признавалась в страстном нежелании прибегать к напрашивающейся далее рифме. Хотя, осознавая ее неизбежность, заранее настраивалась: «*Как сумею, так переживу…*».

Стараясь задержаться на этом пороге, поэт, словно нелепый жираф, тянется назад, «к старой дружбе и теплу». Ей кажется, что это август, как почти тридцать лет назад, плачет, «не отпуская ни в какую». А новое «*чудо снегопада/ чистый усмиряющий покров*» обнадеживает возвращением прежних чувств и ожиданий: «*…И если только город полночью/ Накроет снега пелена,/ Я буду нежностью девчоночьей/ И тихой радостью полна…*».

Однако не зря говорят: почудилось… Рассеивается самообман, и наяву оказывается, что «*К любви предрасположенность и к чуду,/ Как облачко, исчезло в синеве…*». И что город, на окраине которого совсем по-деревенски бабушка зазывала извалявшихся в снегу внуков погреться у печи, «*все растёт. И нет уже у дочери/ Ни рифм таких в стихах, и ни любви такой*». А постаревшая мама – «*теперь ребенок./ Капризный, резкий, злой и путающий дни…*», и верная своему долгу автор, вдруг постигшая всю его тяжесть, с ужасом обнаруживает в себе способность вымолвить, казалось бы, кощунственное: «*Господи, дай ей легко… умереть…*».

В такие минуты видится, что «*Время сжигает в небесных печах/ Все без остатка…*» и в жизни «*Не держат ни любовь, ни дело –/ Одна зола, одна зола!*». И даже «*особой породы врачи/ Их тихие речи,.. воды и травы*» не помогают.

Однако и это – лишь состояние. И вот уже снова находится оправдание пожизненной привязанности к стихосложению – ведь и «*Звезда с звездою говорит,/ Душа с душою – говорит,/ Не объясняется на жестах*». И, может быть, последующий суд окажется не столь уж

страшен, «*И те, кто так меня лелеял,/ В свой срок в небесные аллеи/ Меня по-дружески введут…*».

Поэт и сама не держит на сердце зла – ни на кого, даже на оставившего ее мужчину, с которым по-прежнему продолжает заочный разговор, снова переходя в стихах от душевного соединения, когда еще до звонка распознаёшь, кто там за дверью, к равнодушию: «*...мы просто соседи,/ по шару земному, по веку…*». Но сожаление: «*А дочь с твоими же глазами/ Уже не помнит о тебе…*» – выдаёт, что совсем уж заровнять не получилось. Хотя прохладная успокаивающая мудрость всё чаще осеняет чело и уста: «*…Поймешь, что жизнь пора/ Упрятать глубже, внутрь…/ До глубины такой, седея, дорасти…*».

Но сердце опять-таки не остыло! И когда «*…Придёт: живи по благодати./ И дальше некуда бежать…*», это «некуда бежать» выдает не только облегченный вздох освобождения от суеты, но и страх замкнутого пространства. А необходимость следовать традиционному набору признаков высокопарной мудрости навевает только скуку. И, хотя чужие стихи о любви, которые несут автору как признанному сэнсею начинающие, уже достали, пишутся собственные про то, как «*…не раз телефонная будка/ Спасала двоих, заплутавших в метель…*».

Тогда появляется и новая надежда – на то, что стихи не зря, ведь «*То, что разливает ноосфера,/ Кто-кто должен всё же собирать…*». И приходят мысли о будущей, следующей жизни, в которой «*…я стану/ учителем вечерней школы…*». Хотя, чувствует в итоге поэт, и «*После лета – продолженье жизни./ Пусть и скрытно, медленно и всё же:/ в норках, и в берлогах и в сугробах,/ в старых письмах, новых ожиданьях/ и надеждах – жизнь…*». А если так, «*…значит, незачем бояться/ после лета…*».